

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

ВЫСОЦКИЙ

Я НЕ ЛЮБЛЮ...

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

Владимир Высоцкий

Я не люблю...

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Высоцкий В. С.

Я не люблю... / В. С. Высоцкий — «АСТ», 2016 — (Эксклюзив:
Русская классика)

ISBN 978-5-17-100052-3

В этот сборник вошли произведения Высоцкого, относящиеся к самым разным темам, стилям и направлениям его многогранного творчества: от язвительных сатир на безобразие реального мира – до колоритных стилизаций под «блатной фольклор», от надрывной военной лирики – до раздирающей душу лирики любовной.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-100052-3

© Высоцкий В. С., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Братские могилы	7
Татуировка	8
«Я был душой дурного общества...»	9
Ленинградская блокада	11
Серебряные струны	12
Тот, кто раньше с нею был	13
Лежит камень в степи	15
Большой Каретный	17
«Эй, шофер, вези – Бутырский хутор...»	18
«За меня невеста отрыдает честно...»	19
Про Сережку Фомина	20
Штрафные батальоны	21
Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям	22
Антисемиты	24
Песня про Уголовный кодекс	25
Наводчица	26
Все ушли на фронт	27
Песня о звездах	28
«Нам вчера прислали...»	29
Бал-маскарад	31
Ребята, напишите мне письмо	32
Песня о нейтральной полосе	33
«Сыт я по горло, до подбородка...»	35
«Мой друг уедет в Магадан...»	36
«В холода, в холода...»	37
День рождения лейтенанта милиции в ресторане «Берлин»	38
«Перед выездом в заграничку...»	39
Песня о сентиментальном боксере	41
В далеком созвездии Тау Кита	43
Про дикого вепря	45
«Один музыкант объяснил мне пространно...»	47
«А люди все роптали и роптали...»	48
Песня о друге	49
Здесь вам не равнина	50
Военная песня	51
Скалолазка	52
Прощание с горами	53
Она была в Париже	54
«Возле города Пекина...»	55
Песня о новом времени	57
«Корабли постоят – и ложатся на курс...»	58
Случай в ресторане	59
Пародия на плохой детектив	60
Профессионалы	62
Песня о вещем Олеге	64
Два письма	66

1	66
2	68
Ой, где был я вчера	69
Аисты	71
Спасите наши души	73
Дом хрустальный	75
Дайте собакам мяса	76
«На стол колоду, господа...»	77
«Сколько чудес за туманами кроется...»	80
Я уехал в Магадан	81
«Красивых любят чаще и прилежней...»	83
«Вот и разошлись пути-дороги вдруг...»	84
Две песни об одном воздушном бое	85
1. Песня летчика	85
2. Песня самолета-истребителя	87
«Давно смолкли залпы орудий...»	89
Еще не вечер	90
Песенка ни про что, или Что случилось в Африке	92
Банька по-белому	94
Песня о двух красивых автомобилях	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Владимир Высоцкий

Я не люблю...

© В. С. Высоцкий, наследники, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Братские могилы

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают, —
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

1964

Татуировка

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили – так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я – тем более!» – мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней – попробуй разбери:
У него – твой профиль выколот снаружи,
А у меня – душа исколота снутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леши
И на грудь мою твой профиль наколот.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя – верней, твоя – татуировка
Много лучше и красивше, чем его!

1961

«Я был душой дурного общества...»

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скóкарей,
Свой человек – у щипачей, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился,
ссучился —
Шепнул, навел – и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали все, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, не прав.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1961

Ленинградская блокада

Я вырос в Ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял.
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Граждане смелые,
а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?
Ели хлеб с икоркою, —
а я считал махоркою
Окурки с-под платформы черт-те с чем
напополам.

От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся – только б не упасть!

Было здесь дó фи́га
голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации
читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить как у Христа за пазухой,
под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!

Серебряные струны

У меня гитара есть – расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зарежусь в землю, стину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею – и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»

Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее – прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

1962

Лежит камень в степи

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:

«Кто направо пойдет —
Ничего не найдет,
А кто прямо пойдет —
Никуда не придет,
Кто налево пойдет —
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо.

Был один из них зол —
Он направо пошел,
В одиночку пошел, —
Ничего не нашел —
Ни деревни, ни сел, —
И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклатья

И, подобравши подол,
Напрямую пошел, —
Сколько он ни бродил —
Никуда не добрел, —
Он вернулся и пил,
Он обратно пришел.

Ну а третий – был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.

Долго ль, коротко ль шагал
И совсем не страдал,
Пил, гулял и отдыхал,
Ничего не понимал, —
Ничего не понимал,

Так всю жизнь и прошагал —
И не сгинул, и не пропал.

<1962>

Большой Каретный

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

«Эй, шофер, вези – Бутырский хутор...»

– Эй, шофер, вези – Бутырский хутор,
Где тюрьма, – да поскорее мчи!
– Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепутал —
Разбирают уж тюрьму на кирпичи.

– Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам...
Ну да ладно, что ж, шофер,
тогда вези меня в «Таганку», —
Погляжу, ведь я бывал и там.

– Разломали старую «Таганку» —
Подчистую, всю, ко всем чертям!
– Что ж, шофер, давай назад,
крути-верти свою баранку, —
Так ни с чем поедem по домам.

Или нет, шофер, давай закурим,
Или лучше – выпьем поскорей!
Пьем за то, чтоб не осталось
по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей!

<1963>

«За меня невеста отрыдает честно...»

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара – без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю – не имею права, —
Можно лишь – от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны – про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963

Про Сережку Фомина

Я рос как вся дворовая шпана —
Мы пили водку, пели песни ночью, —
И не любили мы Сережку Фомина
За то, что он всегда сосредоточен.

Сидим раз у Сережки Фомина —
Мы у него справляли наши встречи, —
И вот о том, что началась война,
Сказал нам Молотов в своей известной речи.

В военкомате мне сказали: «Старина,
Тебе броню дает родной завод «Компрессор»!»
Я отказался, — а Сережку Фомина
Спасал от армии отец его, профессор.

Кровь лью я за тебя, моя страна,
И все же мое сердце негодует:
Кровь лью я за Сережку Фомина —
А он сидит и в ус себе не дует!

Теперь небось он ходит по кинам —
Там хроника про нас перед сеансом, —
Сюда б сейчас Сережку Фомина —
Чтоб побыл он на фронте на германском!

...Но наконец закончилась война —
С плеч сбросили мы словно тонны груза, —
Встречаю я Сережку Фомина —
А он Герой Советского Союза...

1964

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так — мы штрафники, —
Нам не писать: «... считайте коммунистом».

Перед атакой — водку, — вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймает в грудь свинец —
Медаль на грудь поймает за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше — бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль — и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству — до «вышки».

1964

Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям

В Пекине очень мрачная погода,
У нас в Тамбове на заводе перекур, —
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантур!

Тем, что вы договор не подписали,
Вы причинили всем народам боль
И, извращая факты, доказали,
Что вам дороже генерал де Голль.

Нам каждый день насущный мил и дорог, —
Но если даже вспомнить старину,
То это ж вы изобретали порох
И строили Китайскую стену.

Мы понимаем – вас совсем не мало,
Чтоб триста миллионов погубить, —
Но мы уверены, что сам товарищ Мао,
Ей-богу, очень-очень хочет жить.

Когда вы рис водою запивали —
Мы проявляли интернационализм, —
Небось когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм!

Бойтесь вы, что – реваншисты в Бонне,
Что – Вашингтон грозит перегнуть, —
Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды —
Не раздувайте вы войны пожар, —
Мы нанесем им, если будет надо,
Ответный термоядерный удар.

А если зуд – без дела не страдайте, —
У вас еще достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев!

И не интересуйтесь нашим бытом —
Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом,

Мы одобряем линию его!

<1964>

Антисемиты

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я – и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель – алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты – простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен – чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них – пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них – уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев;
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!

Им кровушки надо – они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи – живут там как боги...
На все я готов – на разбой и насилие, —
И бью я жидов – и спасаю Россию!

1964

Песня про Уголовный кодекс

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про все мы знаем, про все, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.

И если мне нейдет и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу — читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я — разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки, —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья — не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как *мусора*, когда приходят брать.

1964

Наводчица

– Сегодня я с большой охотой
Распоряжусь своей субботой,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я!

– Постой, чудака, она ж – наводчица, —
Зачем?

– Да так, уж очень хочется!

– Постой, чудака, у нас – компания, —
Пойдем в кабак – зальем желание!

– Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне – до лампочки:
Сегодня Нинка соглашается —
Сегодня жисть моя решается!

– Ну и дела же с этой Нинкою!
Она жила со всей Ордынкою, —
И с нею спать ну кто захочет сам!..
– А мне плевать – мне очень хочется!

Сказала: любит, – все, заметано!
– Отвечу рупь за сто, что врет она!
Она ж того – ко всем ведь просится...
– А мне чего – мне очень хочется!

– Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета как уборщица...
– Плевать на это – очень хочется!

Все говорят, что – не красавица, —
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что – наводчица, —
А мне еще сильнее хочется!

1964

Все ушли на фронт

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».

За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности —
Значит, всем идти на фронт.

Там год – за три, если бог хранит, —
Как и в лагере зачет.
Нынче мы на равных с вохрами —
Нынче всем идти на фронт.

У начальника Березкина —
Ох и гонор, ох и понт! —
И душа – крест-накрест досками, —
Но и он пошел на фронт.

Лучше было – сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, —
Вышей мерой наградил его
Трибунал за самострел.

Ну а мы – все оправдали мы, —
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,
А кто мертвые – крестом.

И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную —
Надпись: «Все ушли на фронт»...

1964

Песня о звездах

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Снова упала — и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покатилась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе — как рыбы в прудах, —
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже — Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

«Нам вчера прислали...»

Нам вчера прислали
Из рук вон плохую весть:
Нам вчера сказали,
Что Алеха вышел весь.
Как же так! Он Наде
Говорил, что – пофартит,
Что сыграет свадьбу —
На неделю загудит...

Не видать девахе
Этот свадебный гудеж,
Потому что – в драке
Налетел на чей-то нож,
Потому что – плохо,
Хоть не в первый раз уже
Получал Алеха
Дырки новые в душе.

Для того ль он душу,
Как рубаху, залатал,
Чтоб его убила
В пьяной драке сволота!
Если б все в порядке —
Мы б на свадьбу нынче шли, —
Но с ножом в лопатке
Поутру его нашли.

Что ж, поубивается
Девчонка, поревет,
Что ж, посомневается —
И слезы оботрет, —
А потом без вздоха
Отопрет любому дверь...
Ничего, Алеха, —
Все равно тебе теперь!

Мы его схороним очень скромно —
Что рыдать!
Некому о нем и похоронную
Послать,
Потому – никто не знает,
Где у Лехи дом, —
Вот такая смерть шальная
Всех нас ждет потом.

Что ж, поубивается
Девчонка, поревет,
Чуть посомневается —
И слезы оботрет, —
А потом без вздоха
Отопрет любому дверь, —
Бог простит, а Леха...
Все равно ему теперь...

1964

Бал-маскарад

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слушок о бале-маскараде, —
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили все это – в зоосаде.

«Зачем идти при полном при параде —
Скажи мне, моя радость, христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» —
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

«Я платье, – говорит, – взяла у Нади —
Я буду нынче как Марина Влади
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!»

...Зачем же я себя утюжил, гладил? —
Меня поймали тут же, в зоосаде, —
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика —
И на троих зазвали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде:
Глядь – две жены, – ну две Марины Влади! —
Одетые животными,
С двумя же бегемотами, —
Я тоже озверел – и стал в засаде.

Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде.

1963

Ребята, напишите мне письмо

Мой первый срок я выдержать не смог, —
Мне год добавят, может быть – четыре...
Ребята, напишите мне письмо:
Как там дела в свободном вашем мире?

Что вы там пьете? Мы почти не пьем.
Здесь – только снег при солнечной погоде...
Ребята, напишите обо всем,
А то здесь ничего не происходит!

Мне очень-очень не хватает вас —
Хочу увидеть милые мне рожи!
Как там Надюха, с кем она сейчас?
Одна? – тогда пускай напишет тоже.

Страшней, быть может, – только Страшный суд!
Письмо мне будет уцелевшей нитью, —
Его, быть может, мне не отдадут,
Но все равно, ребята, напишите!..

1964

Песня о нейтральной полосе

На границе с Турцией или с Пакистаном —
Полоса нейтральная; а справа, где кусты, —
Наши пограничники с нашим капитаном,
А на левой стороне – ихние посты.

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Капитанова невеста жить решила вместе —
Прикатила, говорит: «Милый!..» – то да се.
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте:
Что за свадьба без цветов! – пьянка да и все.

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила – налетела блажь, —
Тоже «Милый» говорит, только по-турецки,
Будет свадьба, говорит, свадьба – и шабаш!

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Наши пограничники – храбрые ребята, —
Трое вызвались идти, а с ними капитан, —
Разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в ту же ночь вдарить по цветам!

Ведь на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну и ихний капитан тоже в доску пьян, —
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И, по-русски крикнув «...мать!», рухнул капитан.

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Спит капитан – и ему снится,
Что открыли границу, как ворота в Кремле, —
Ему и на фиг не нужна была чужая заграница —
Он пройтись хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя? Ведь земля-то – ничья,

Ведь она – нейтральная!..

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

1965

«Сыт я по горло, до подбородка...»

Игорю Кохановскому

Сыт я по горло, до подбородка —
Даже от песен стал уставать.
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

Друг подавал мне водку в стакане,
Друг говорил, что это пройдет,
Друг познакомил с Веркой по пьяни:
Верка поможет, а водка спасет.

Не помогли ни Верка, ни водка:
С водки – похмелье, а с Верки – что взять!
Лечь бы на дно, как подводная лодка, —
И позывных не передавать!..

Сыт я по горло, сыт я по глотку.
Ох, надоело петь и играть!
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

1965

«Мой друг уедет в Магадан...»

Игорю Кохановскому

Мой друг уедет в Магадан —
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уедет сам, уедет сам —
Не по этапу, не по этапу.

Не то чтоб другу не везло,
Не то чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы: что, мол, чудак, —
А просто так.

Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться – всего лишиться!
Ведь там – сплошные лагеря,
А в них – убийцы, а в них – убийцы...»

Ответит он: «Не верь молве —
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан
И – в Магадан!

Не то чтоб мне – не по годам, —
Я б прыгнул ночью из электрички,
Но я не еду в Магадан,
Забыв привычки, закрыв кавычки.

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, —
Про Магадан.

Мой друг поедет сам собой —
С него довольно, с него довольно, —
Его не будет бить конвой —
Он добровольно, он добровольно.

А мне удел от Бога дан...
А может, тоже – в Магадан?
Уехать с другом заодно —
И лечь на дно!..

1965

«В холода, в холода...»

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

1965

День рождения лейтенанта милиции в ресторане «Берлин»

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, —
За тех, кто в МУРе, никто не пьет.

А за соседним столом – компания,
А за соседним столом – веселие, —
А она на меня – ноль внимания:
Ей сосед ее шпарит Есенина.

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, —
За тех, кто в МУРе, никто не пьет.

Понимаю я, что в Тамаре – ум,
Что у ей – диплом и стремления, —
И я вылил водку в аквариум:
Пейте, рыбы, за мой день рождения!

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, —
За тех, кто в МУРе, никто не пьет.

1965

«Перед выездом в загранку...»

Перед выездом в загранку
Заполняешь кучу бланков —
Это еще не беда,
Но в составе делегаций
С вами ездит личность в штатском —
Просто завсегда.

А за месяц до вояжа
Инструктаж проходишь даже —
Как там проводить все дни:
Чтоб поменьше безобразий,
А потусторонних связей
Чтобы – ни-ни-ни!

...Личность в штатском – парень рыжий —
Мне представился в Париже:
«Будем с вами жить, я – Никодим.
Вел нагрузки, жил в Бобруйске,
Папа – русский, сам я – русский,
Даже не судим».

Исполнительный на редкость,
Соблюдал свою секретность
И во всем старался мне помочь:
Он теперь по роду службы
Дорожил моею дружбой
Просто день и ночь.

На экскурсию по Риму
Я решил – без Никодиму:
Он всю ночь писал – и вот уснул, —
Но личность в штатском, оказалось,
Раньше боксом увлекалась,
Так что – не рискнул.

Со мной он завтракал, обедал,
Он везде – за мною следом, —
Будто у него нет дел.
Я однажды для порядку
Заглянул в его тетрадку —
Просто обалдел!

Он писал – такая стерва! —
Что в Париже я на мэра
С кулаками нападал,

Что я к женщинам несдержан
И влияниям подвержен
Будто Запада...

Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!..
Вы прикиньте – что тогда?
Это значит – не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..

1965

Песня о сентиментальном боксере

Удар, удар... Еще удар...
Опять удар – и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.

Вот он прижал меня в углу,
Вот я едва ушел...
Вот апперкот – я на полу,
И мне нехорошо!

И думал Буткеев, мне челюсть кроша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

При счете семь я все лежу —
Рыдают землячки.
Встаю, ныряю, ухожу —
И мне идут очки.

Неправда, будто бы к концу
Я силы берегу, —
Бить человека по лицу
Я с детства не могу.

Но думал Буткеев, мне ребра круша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

В трибунах свист, в трибунах вой:
«Ату его, он трус!»
Буткеев лезет в ближний бой —
А я к канатам жмусь.

Но он пролез – он сибиряк,
Настырные они, —
И я сказал ему: «Чудак!
Устал ведь – отдохни!»

Но он не услышал – он думал, дыша,
Что жить хорошо и жизнь хороша!

А он все бьет – здоровый, черт! —
Я вижу – быть беде.
Ведь бокс не драка – это спорт
Отважных и т. д.

Вот он ударил – раз, два, три —

И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял рефери,
Которой я не бил.

Лежал он и думал, что жизнь хороша.
Кому хороша, а кому – ни шиша!

1966

В далеком созвездии Тау Кита

В далеком созвездии Тау Кита
Все стало для нас непонятно, —
Сигнал посылаем: «Вы что это там?» —
А нас посылают обратно.

На Тау Ките
Живут в тесноте —
Живут, между прочим, по-разному —
Товарищи наши по разуму.

Вот, двигаясь по световому лучу
Без помощи, но при посредстве,
Я к Тау Кита этой самой лечу,
Чтоб с ней разобраться на месте.

На Тау Кита
Чегой-то не так —
Там таукитайская братия
Свихнулась, – по нашим понятиям.

Покамест я в анабиозе лежу,
Те таукитяне буянят, —
Все реже я с ними на связь выхожу:
Уж очень они хулиганят.

У таукитов
В алфавите слов —
Немного, и строй – буржуазный,
И юмор у них – безобразный.

Корабль посадил я как собственный зад,
Слегка покривив отражатель.
Я крикнул по-таукитянски: «Виват!» —
Что значит по-нашему – «Здрасьте!».

У таукитян
Вся внешность – обман, —
Тут с ними нельзя состязаться:
То явятся, то растворятся...

Мне таукитянин – как вам папуас, —
Мне вкратце об них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!» —
В ответ они чем-то мигнули.

На Тау Ките
Условия не те:
Тут нет атмосферы, тут душно, —
Но таукитяне радушны.

В запале я крикнул им: мать вашу, мол!..
Но кибернетический гид мой
Настолько буквально меня перевел,
Что мне за себя стало стыдно.

Но таукиты —
Такие скоты —
Наверно, успели набраться:
То явятся, то растворятся...

«Вы, братья по полу, – кричу, – мужики!
Ну что...» – тут мой голос сорвался.
Я таукитянку схватил за грудки:
«А ну, – говорю, – признавайся!..»

Она мне: «Уйди!» —
Мол, мы впереди —
Не хотим с мужчинами знаться, —
А будем теперь почковаться!

Не помню, как поднял я свой звездолет, —
Лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперед
По гнусной теории Эйнштейна!

Что, если и там,
Как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знание, —
Что, если и там – почкованье?!

1966

Про дикого вепря

В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный —
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой,
Только кашлем сильный страх наводил, —
А тем временем зверюга ужасный
Коих ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть наконец!
Вот кто отчаётся на это, на это,
Тот принцессу поведет под венец».

А в отчаявшемся том государстве —
Как войдешь, так прямо наискосок —
В беспыльной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший, но опальный стрелок.

На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили меды – и тут
Протрубили во дворе трубадуры,
Хватъ стрелка – и во дворец волокут.

И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец, —
Но если завтра победишь чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец».

А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы – выкатить портвейну бадью!»
Мол, принцессу мне и даром не надо, —
Чуду-юду я и так победю!

А король: «Возьмешь принцессу – и точка!
А не то тебя раз-два – и в тюрьму!
Ведь это все же королевская дочка!..»
А стрелок: «Ну хоть убей – не возьму!»

И пока король с им так препирался,
Съел уже почти всех женщин и кур
И возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.

Делать нечего – портвейн он отспорил, —
Чуду-юду уложил – и убег...
Вот так принцессу с королем опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.

1966

«Один музыкант объяснил мне пространно...»

Один музыкант объяснил мне пространно,
Что будто гитара свой век отжила, —
Заменят гитару электроорганы,
Электророяль и электропила...

Гитара опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

Я слышал вчера – кто-то пел на бульваре:
Был голос уверен, был голос красив. —
Но кажется мне – надоело гитаре
Звенеть под его залихватский мотив.

И все же опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

Электророяль мне, конечно, не пара —
Другие появятся с песней другой, —
Но кажется мне – не уйдем мы с гитарой
В заслуженный и нежеланный покой.

Гитара опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

1966

«А люди все роптали и роптали...»

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, — ведь это иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди все роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, — ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди все роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят...»

1966

Песня о друге

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тани —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис —
и вниз,
Шаг ступил на ледник —
и сник,
Оступился – и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони.
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел,
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал;
Если шел он с тобой
как в бой,
На вершине стоял – хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну – не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед,
ни скала, —
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина еще впереди.

1966

Военная песня

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны — вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот — он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!

1966

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться!
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

Она была в Париже

Л. Лужинной

Наверно, я погиб: глаза закрою – вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее – она была в Париже,
И я вчера узнал – не только в нем одном!

Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на «ты», —
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще – я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше
с нею был»...
Но что ей до меня – она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод – хоть, в общем,
был не вправе, —
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей от того – она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет – я скажу по-польски: «Прóшу, пани,
Прими таким как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня – она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они – я лучше пережду!

1966

«Возле города Пекина...»

Возле города Пекина
Ходят-бродят хунвэйбины,
И старинные картины
Ищут-рыщут хунвэйбины, —
И не то чтоб хунвэйбины
Любят статуи, картины:
Вместо статуй будут урны
«Революции культурной».

И ведь, главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

Вот придумал им забаву
Ихний вождь товарищ Мао:
Не ходите, дети, в школу —
Приходите бить крамолу!
И не то чтоб эти детки
Были вовсе — малолетки, —
Изрубили эти детки
Очень многих на котлетки!

И ведь, главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

Вот немного посидели,
А теперь похулиганим —
Что-то тихо в самом деле, —
Думал Мао с Ляо Бянем. —
Чем еще уконтрапупишь
Мировую атмосферу:
Мы покажем крупный кукиш
СэШэА и эСэСэРу!

И ведь, главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

1966

Песня о новом времени

Как призывный набат, прозвучали в ночи
тяжело шаги, —
Значит, скоро и нам – уходить и прощаться
без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади,
лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь,
ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших
товарищей,
На скаку не заметив, что рядом – товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели
на платица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..

<1966 или 1967>

«Корабли постоят – и ложатся на курс...»

Корабли постоят – и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода – и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все – кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе,
я не верю судьбе, а себе – еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в делах, —
Я, конечно, спую – не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в мечтах, —
Я, конечно, спую – не пройдет и полгода.

<1967>

Случай в ресторане

В ресторане по стенкам висят тут и там —
«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» — спросил я. «Садитесь!

...Закури!» — «Извините, «Казбек» не курю...»
«Ладно, выпей, — давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» — «Обязательно буду!»

«Ну так что же, — сказал, захмелев, капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок третьем под Курском я был старшиной, —
За моею спиной — такое...
Много всякого, брат, за моею спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»

Он ругался и пил, он спросил про отца,
И кричал он, уставясь на блюдо:
«Я полжизни отдал за тебя, подлеца, —
А ты жизнь прожигаешь, иуда!

А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..»
Я сидел как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел, я — за ним по пятам, —
Только в самом конце разговора
Я обидел его — я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!..»

1967

Пародия на плохой детектив

Опасаясь контрразведки,
избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом «мистер Джон
Ланкастер Пек»,

Вечно в кожаных перчатках —
чтоб не делать отпечатков, —
Жил в гостинице «Советской» несоветский
человек.

Джон Ланкастер в одиночку,
преимущественно ночью,
Щелкал носом – в ем был спрятан
инфракрасный объектив, —
А потом в нормальном свете
представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится
коллектив.

Клуб на улице Нагорной —
стал общественной уборной,
Наш родной Центральный рынок – стал похож
на грязный склад,
Искаженный микропленкой,
ГУМ – стал маленькой избенкой,
И уж вспомнить неприлично, чем предстал
театр МХАТ.

Но работать без подручных —
может, грустно, а может, скучно, —
Враг подумал – враг был дока, —
написал фиктивный чек,
И где-то в дебрях ресторана
гражданина Епифана
Сбил с пути и с панталыку несоветский человек.

Епифан казался жадным,
хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел.
В общем так: подручный Джона
был находкой для шпиона, —
Так случиться может с каждым —
если пьян и мягкотел!

«Вот и первое задание:

в тринадцать возле бани —
Может, раньше, а может, позже —
остановится такси, —
Надо сесть, связать шофера,
разыграть простого вора, —
А потом про этот случай растрелят по «Би-би-си».

И еще. Побрейтесь свеже,
и на выставке в Манеже
К вам приблизится мужчина с чемоданом —
скажет он:
«Не хотите ли черешни?»
Вы ответите: «Конечно», —
Он вам даст батон с взрывчаткой —
принесете мне батон.

А за это, друг мой пьяный, —
говорил он Епифану, —
Будут деньги, дом в Чикаго,
много женщин и машин!»
...Враг не ведал, дурачина:
тот, кому все поручил он,
Был – чекист, майор разведки
и прекрасный семьянин.

Да, до этих штучек мастер
этот самый Джон Ланкастер!..
Но жестоко просчитался пресловутый
мистер Пек —
Обезврежен он, и даже
он пострижен и посажен, —
А в гостинице «Советской» поселился
мирный грек.

1967

Профессионалы

Профессионалам —
зарплата навалом, —
Плевать, что на лед они зубы плюют.
Им платят деньжищи —
огромные тыщи, —
И даже за проигрыш, и за ничью.

Игрок хитер – пусть
берет на корпус,
Бьет в зуб ногой и – ни в зуб ногой, —
А сам в итоге
калечит ноги —
И вместо клюшки идет с клюкой.

Профессионалам,
отчаянным малым.
Игра – лотерея, – кому повезет.
Играют с партнером —
как бык с матадором, —
Хоть, кажется, принято – наоборот.

Как будто мертвый
лежит партнер твой, —
И ладно, черт с ним – пускай лежит.
Не оплошай, бык, —
бог хочет шайбы,
Бог на трибуне – он не простит!

Профессионалам
судья криминалом
Ни бокс не считает, ни злой мордобой, —
И с ними лет двадцать
кто мог потягаться —
Как школьнику драться с отборной шпаной?!

Но вот недавно
их козырь главный —
Уже не козырь, а так – пустяк, —
И их оружием
теперь не хуже
Их бьют, к тому же – на скоростях.

Профессионалы
в своем Монреале
Пускай разбивают друг другу носы, —

Но их представитель
(хотите – спросите!)
Недавно заклеен был в две полосы.

Сперва распластан,
а после – пластырь.
А ихний пастор – ну как назло! —
Он перед боем
знал, что слабб им, —
Молились строем – не помогло.

Профессионалам
по всяким каналам —
То много, то мало – на банковский счет, —
А наши ребята
за ту же зарплату
Уже пятикратно уходят вперед!

Пусть в высшей лиге
плетут интриги,
И пусть канадским зовут хоккей —
За нами слово, —
до встречи снова!
А футболисты – до лучших дней.

1967

Песня о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Щита прибавать на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то.
«Эх, князь, — говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!»

Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —
И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

«Да кто вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки. —
Напился, старик, — так пойдя похмелись,
И неча рассказывать байки
И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»

Ну, в общем, они не сносили голов, —
Шутить не можете с князьями! —
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями:
Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

А вещий Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, —
Он только однажды волхвов вспомянул,
И то — саркастически хмыкнул:
Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

«А вот он, мой конь — на века опочил, —
Один только череп остался!...» —
Олег преспокойно стопу возложил —
И тут же на месте скончался:
Злая гадюка кусила его —
И принял он смерть от коня своего.

...Каждый волхвов покарать норовит, —
А нет бы — послушаться, правда?
Олег бы послушал — еще один щит

Прибил бы к вратам Цареграда.
Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

1967

Два письма

1

Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой
ненаглядный!
Во первых строках письма шлю тебе привет.
Вот вернешься ты, боюсь, занятой, нарядный —
Не заглянешь и домой, — сразу в сельсовет.

Как уехал ты — я в крик, — бабы прибежали:
«Ой, разлуки, — говорят, — ей не перенести».
Так скучала за тобой, что меня держали, —
Хоть причина не скучать очень даже есть.

Тута Пашка приходил — кум твой окаянный, —
Еле-еле не далась — даже щас дрожу.
Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный —
Перед тем как приставать, пьет для куражу.

Ты, болтают, получил премию большую;
Будто Борька, наш бугай, — первый чемпион...
К злыдню этому быку я тебя ревную
И люблю тебя сильнее, нежели чем он.

Ты приснился мне во сне — пьяный, злой,
угрюмый, —
Если думаешь чего — так не мучь себя:
С агрономом я прошла, — только ты не думай —
Говорили мы весь час только про тебя.

Я-то ладно, а вот ты — страшно за тебя-то:
Тут недавно приезжал очень важный чин, —
Так в столице, говорит, всякие развраты,
Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин.

Ты уж, Коля, там не пей — потерпи до дому, —
Дома можешь хоть чего: можешь — хоть в запой!
Мне не надо никого — даже агроному, —
Хоть культурный человек — не сравню с тобой.

Наш амбар в дожди течет — прохудился, верно, —
Без тебя немоготу — кто создаст уют?!
Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно!
Если можешь, напиши — что там продают.

1967

2

Не пиши мне про любовь – не поверю я:
Мне вот тут уже дела твои прошлые.
Слушай лучше: тут – с лавсаном материя, —
Если хочешь, я куплю – вещь хорошая.

Водки я пока не пил – ну ни стопочки!
Экономлю и не ем даже супу я, —
Потому что я куплю тебе кофточку,
Потому что я люблю тебя, глупая.

Был в балете, – мужики девок лапают.
Девки – все как на подбор – в белых тапочках.
Вот пишу, а слезы душат и капают:
Не давай себя хватать, моя лапочка!

Наш бугай – один из первых на выставке.
А сперва кричали – будто бракованный, —
Но очухались – и вот дали приз таки:
Весь в медалях он лежит, запакованный.

Председателю скажи, пусть избу мою
Кроют нынче же, и пусть травку выкосют, —
А не то я телок крыть – не подумаю:
Рекордсмена портить мне – на-кось, выкуси!

Пусть починют наш амбар – ведь не гнить зерну!
Будет Пашка приставать – с им как с предателем!
С агрономом не гуляй, – ноги выдерну, —
Можешь раза два пройтись с председателем.

До свидания, я – в ГУМ, за покупками:
Это – вроде наш лабаз, но – со стеклами...
Ты мне можешь надоесть с полушубками,
В сером платице с узорами блеклыми.

...Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В ем гуляю – и плюю только в урны я.
Но ты, конечно, не поймешь – там, за печкою, —
Потому – ты темнота некультурная.

1966

Ой, где был я вчера

Ой, где был я вчера – не найду, хоть убей!
Только помню, что стены – с обоями,
Помню – Клавка была, и подруга при ей,
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Будто голым скакал,
Будто песни орал,
А отец, говорил,
У меня – генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продыхнуть —
Донимал их своими аккордами.

А потом кончил пить —
Потому что устал, —
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,
Растворивши окно,
Взял да выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились, —
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
И в конце уже – все позабавились.

Кто – плевал мне в лицо,
А кто – водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...
Молодая вдова,
Верность слову храня, —
Ведь живем однова —
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную.
«Развяжите, – кричал, – да и дело с концом!»

Развязали, – но вилки попрятали.

Тут вообще началось —
Не опишешь в словах, —
И откуда взялось
Столько силы в руках! —
Я как раненый зверь
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь
И балкон уронил.

Ой, где был я вчера – не найду днем с огнем!
Только помню, что стены – с обоями, —
И осталось лицо – и побои на нем, —
Ну куда теперь выйти с побоями!

...Если правда оно —
Ну хотя бы на треть, —
Остается одно:
Только лечь помереть!
Хорошо, что вдова
Все смогла пережить,
Пожалела меня —
И взяла к себе жить.

1967

Аисты

Небо этого дня —
ясное,
Но теперь в нем — броня
лязгает.
А по нашей земле —
гул стоит,
И деревья в смоле —
грустно им.
Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.

Колос — в цвет янтаря, —
успеем ли?
Нет! Выходит, мы зря
сеяли.
Что ж там, цветом в янтарь,
светится?
Это в поле пожар
мечется.

Разбрелись все от бед
в стороны...
Певчих птиц больше нет —
вброды!

И деревья в пыли
к осени.
Те, что песни могли, —
бросили.
И любовь не для нас, —
верно ведь,
Что нужнее сейчас
ненависть?

Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.

Лес шумит, как всегда,
кронами,
А земля и вода —
стонами.

Но нельзя без чудес —
аукает
Довоенными лес
звуками.
Побрели все от бед
на восток,
Певчих птиц больше нет,
нет аистов.

Воздух звуки хранит
разные,
Но теперь в нем — гремит,
лязгает.

Даже цокот копыт —
топотом,
Если кто закричит —
шепотом.
Побрели все от бед
на восток, —
И над крышами нет
аистов...

1967

Спасите наши души

Уходим под воду
В нейтральной воде.
Мы можем по году
Плывать на погоду, —
А если накроют —
Локаторы взвоят
О нашей беде.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

И рвутся аорты,
Но наверх – не смей!
Там слева по борту,
Там справа по борту,
Там прямо по ходу —
Мешает проходу
Рогатая смерть!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Но здесь мы – на воле, —
Ведь это наш мир!
Свихнулись мы, что ли, —
Всплывать в минном поле!
«А ну, без истерик!
Мы врежемся в берег», —
Сказал командир.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!

Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Всплывем на рассвете —
Приказ есть приказ!
Погибнуть во цвете —
Уж лучше при свете!
Наш путь не отмечен...
Нам нечем... Нам нечем!
Но помните нас!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Вот вышли наверх мы.
Но выхода нет!
Вот – полный на верфи!
Натянуты нервы.
Конец всем печалям,
Концам и началам —
Мы рвемся к причалам
Заместо торпед!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Спасите наши души!
Спасите наши души...

1967

Дом хрустальный

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!» —
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пес — один,
И в доме моем — шаром кати, —
Ведь поможешь ты мне, Господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Не сравнил бы я любую с тобой —
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой, —
Как мадонной Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

1967

Дайте собакам мяса

Дайте собакам мяса —
Может, они подерутся.
Дайте похмельным кваса —
Авось они перебыются.

Чтоб не жиреть воронам,
Ставьте побольше пугал.
Чтобы любить, влюбленным
Дайте укромный угол.

В землю бросайте зерна —
Может, появятся всходы.
Ладно, я буду покорным —
Дайте же мне свободу!

Псам мясные ошметки
Дали – а псы не подрались.
Дали пьяницам водки —
А они отказались.

Люди ворон пугают —
А воронье не боится.
Пары соединяют —
А им бы разъединиться.

Лили на землю воду —
Нету колосьев, – чудо!
Мне вчера дали свободу —
Что я с ней делать буду?!

1967

«На стол колоду, господа...»

«На стол колоду, господа, —
Крапленая колода!
Он подменил ее». — «Когда?»
«Барон, вы пили воду...

Валет наколот, так и есть!
Барон, ваш долг погашен!
Вы проходимец, ваша честь, —
И я к услугам вашим!

Что? Я не слышу ваш апарт...
О нет, так не годится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Закончить не смогли вы кон —
Верните бриллианты!
А вы, барон, и вы, виконт,
Пожалте в секунденты!

Ответьте, если я не прав, —
Но наперед все лживо!
Итак, оружие ваше, граф?!
За вами выбор — живо!

Вы не получите инфаркт,
Вам не попасть в больницу!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Да полно, назначаю сам:
На шпагах, пистолетах...
Хотя сподручней было б вам —
На дамских амулетах.

Кинжал... — ах, если б вы смогли!.. —
Я дрался им в походах!
Но вы б, конечно, предпочли —
На шулерских колодах!

Вам скоро будет не до карт —
Вам предстоит сразиться!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Не поднимайте, ничего, —
Я встану сам, сумею!
Я снова вызову его,
Пусть даже протрезвею.

Барон, молчать! Виконт, не хнычь!
Плевать, что тьма народу!
Пусть он расскажет, старый хрыч,
Чем он крапил колоду!

Когда откроет тайну карт —
Дуэль не состоится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«А коль откажется сказать —
Клянусь своей главою:
Графиню можете считать
Сегодня же вдовою.

И хоть я шуток не терплю,
Но я могу взбеситься, —
Тогда я графу прострелю,
Экскюз ми, ягодицу!»

Стоял июль, а может – март...
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«...Ах, граф, прошу меня простить —
Я вел себя бестактно, —
Я в долг хотел у вас просить,
Но не решился как-то.

Хотел просить наедине —
Мне на людях неловко —
И вот пришлось затеять мне
Дебош и потасовку.

О да, я выпил целый штоф —
И сразу вышел червой...
Дурак?! Вот как! Что ж, я готов!
Итак, ваш выстрел первый...»

Стоял весенний месяц март,
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

1968

«Сколько чудес за туманами кроется...»

Сколько чудес за туманами кроется —
Ни подойти, ни увидеть, ни взять, —
Дважды пытались, но Бог любит троицу —
Глупо опять поворачивать вспять.

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Было когда-то – тревожили беды нас, —
Многих туман укрывал от врагов.
Нынче, туман, не нужна твоя преданность —
Хватит тайгу запираť на засов!

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Тайной покрыто, молчанием скелото —
Заколдовала природа-шаман.
Черное золото, белое золото
Сторож седой охраняет – туман.

Только ты выучи, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Что же выходит – и пробовать нечего,
Перед туманом ничто человек?
Но от тепла, от тепла человеческого
Даже туман поднимается вверх!

Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

1968

Я уехал в Магадан

Ты думаешь, что мне – не по годам,
Я очень редко раскрываю душу, —
Я расскажу тебе про Магадан —
Слушай!

Как я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.

Однажды я уехал в Магадан —
Я от себя бежал как от чахотки.
Я сразу там напился вдрабадан
Водки!

Но я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.

За мной летели слухи по следам,
Опережая самолет и вьюгу, —
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!

И я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.

Я повода врагам своим не дал —
Не взрезал вены, не порвал аорту, —
Я взял да как уехал в Магадан,
К черту!

Я увидел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.

Я, правда, здесь оставил много дам, —
Писали мне: «Все ваши дамы биты!» —
Ну что ж – а я уехал в Магадан, —
Квиты!

И я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.

Когда подходит дело к холодам, —
Пусть это далеко, да и накладно, —
Могу уехать к другу в Магадан —
Ладно!

Ты не видел Нагайскую бухту —
дурак ты!
Улетел я туда не с бухты —
барахты.

1968

«Красивых любят чаще и прилежней...»

Красивых любят чаще и прилежней,
Веселых любят меньше, но быстрее, —
И молчаливых любят, только реже,
Зато уж если любят, то сильнее.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи,
Ну а ты промолчи, промолчи, —
Поспешись – и ищи ветра в поле.

Она читает грустные романы, —
Ну пусть сравнит, и ты доверься ей, —
Ведь появились черные тюльпаны —
Чтобы казались белые белей.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть поэты кричат и грачи,
Ну а ты помолчи, промолчи, —
Поспешись – и ищи ветра в поле.

Слова бегут, им тесно – ну и что же! —
Ты никогда не бойся опоздать.
Их много – слов, но все же если можешь —
Скажи, когда не можешь не сказать.

Но не кричи этих слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи...
Замолчи, промолчи, помолчи, —
Поспешись – и ищи ветра в поле.

1968

«Вот и разошлись пути-дороги вдруг...»

В. Абрамову

Вот и разошлись пути-дороги вдруг:
Один – на север, другой – на запад,
Грустно мне, когда уходит друг
Внезапно, внезапно.

Ушел, – невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

Наступило время неудач,
Следы и души заносит вьюга,
Все из рук вон плохо – плачь не плачь,
Нет друга, нет друга.

Ушел, – невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

А когда вернется друг назад
И скажет: «Ссора была ошибкой»,
Бросим на минувшее мы взгляд
С улыбкой, с улыбкой.

Ушло, – невелика потеря
Для многих людей...
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

1968

Две песни об одном воздушном бое

1. Песня летчика

Их восемь – нас двое, – расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Сережа, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.

Я этот небесный квадрат не покину —
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит – и шансы равны.

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
Надсадно завывли винты, —
Им даже не надо крестов на могилы —
Сойдут и на крыльях кресты!

Я – «Первый», я – «Первый», – они под тобою!
Я вышел им наперерез!
Сбей пламя, уйди в облака – я прикрою!
В бою не бывает чудес.

Сергей, ты горишь! Уповай, человече,
Теперь на надежность строп!
Нет, поздно – и мне вышел «мессер» навстречу, —
Прощай, я приму его в лоб!..

Я знаю – другие сведут с ними счеты, —
Но, по облакам скользя,
Взлетят наши души, как два самолета, —
Ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: «В раю будет туго!»
Но только ворота – щелк, —
Мы Бога попросим: «Впишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»

И я попрошу Бога, Духа и Сына, —
Чтоб выполнил волю мою:
Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою!

Мы крылья и стрелы попросим у Бога, —
Ведь нужен им ангел-ас, —

А если у них истребителей много —
Пусть пишут в хранители нас!

Хранить – это дело почетное тоже, —
Удачу нести на крыле
Таким, как при жизни мы были с Сережей
И в воздухе и на земле.

2. Песня самолета-истребителя

Ю. Любимову

Я – «Як», истребитель, – мотор мой звенит,
Небо – моя обитель, —
А тот, который во мне сидит,
Считает, что – он истребитель.

В этом бою мною «юнкерс» сбит —
Я сделал с ним, что хотел, —
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел!

Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал, —
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет – в штопор!

Из бомбардировщика бомба несет
Смерть аэродрому, —
А кажется – стабилизатор поет:
«Мир вашему дому!»

Вот сзади заходит ко мне «мессершмитт», —
Уйду – я устал от ран!..
Но тот, который во мне сидит,
Я вижу, решил – на таран!

Что делает он?! Вот сейчас будет взрыв!..
Но мне не гореть на песке, —
Запреты и скорости все перекрыв,
Я выхожу из пике!

Я – главный, а сзади... Ну чтоб я сгорел! —
Где же он, мой ведомый?
Вот он задымился, кивнул – и запел:
«Мир вашему дому!»

И тот, который в моем черепке,
Остался один – и влип, —
Меня в заблуждение он ввел – и в пике
Прямо из мертвой петли.

Он рвет на себя – и нагрузки вдвойне, —
Эх, тоже мне – летчик-ас!..
Но снова приходится слушаться мне, —

И это – в последний раз!

Я больше не буду покорным – клянусь! —
Уж лучше лежать на земле...
Ну что ж он не слышит, как бесится пульс:
Бензин – моя кровь – на нуле!

Терпению машины бывает предел,
И время его истекло, —
И тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то лечу налегке,
Последние силы жгу...
Но что это, что?! Я – в глубоком пике, —
И выйти никак не могу!

Досадно, что сам я не много успел, —
Но пусть повезет другому!
Выходит, и я напоследок спел:
«Мир вашему дому!»

1968

«Давно смолкли залпы орудий...»

Давно смолкли залпы орудий,
Над нами лишь солнечный свет, —
На чем проверяются люди,
Если войны уже нет?

Приходится слышать нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Не ухнет уже бронебойный,
Не быть похоронной под дверь,
И кажется – все так спокойно,
Негде раскрыться теперь...

Но все-таки слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Покой только снится, я знаю, —
Готовься, держись и дерись! —
Есть мирная передовая —
Беда, и опасность, и риск.

Поэтому слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

В полях обезврежены мины,
Но мы не на поле цветов, —
Вы поиски, звезды, глубины
Не сбрасывайте со счетов.

Поэтому слышим нередко,
Если приходит беда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

1968

Еще не вечер

К четырехлетию Таганки, Ю. Любимову

Четыре года рыскал в море наш корсар, —
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам, —
На море штиль – и не избегнуть встречи!
Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер!»

Вот развернулся боком флагманский фрегат, —
И левый борт окрасился дымами, —
Ответный залп – на глаз и наугад —
Вдали пожар и смерть! Удача с нами!

Из худших выбирались передряг,
Но с ветром худо, и в трюме течи, —
А капитан нам шлет привычный знак:
Еще не вечер, еще не вечер!

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз —
И видят нас от дыма злых и серых, —
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой – корабль кренится наш, —
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: «На абордаж!
Еще не вечер, еще не вечер!»

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, —
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы – пусть уходят с корабля, —
Они мешают схватке бесшабашной.

И крысы думали: а чем не шутит черт, —
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту борт, —
Еще не вечер, еще не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза, —
Чтоб не достаться спрутам или крабам —
Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах, —

Мы покидали тонущий корабль.

Но нет, им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи, —
Ведь океан-то с нами заодно.
И прав был капитан: еще не вечер!

1968

Песенка ни про что, или Что случилось в Африке

Одна семейная хроника

В желтой жаркой Африке,
В центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика
Случилось несчастье, —
Слон сказал, не разобрав:
«Видно, быть потопу!..»
В общем, так: один Жираф
Влюбился в Антилопу!

Поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой – ему видней!»

«Что же что рога у ней, —
Кричал Жираф любовно, —
Нынче в нашей фауне
Равны все пороговно!
Если вся моя родня
Будет ей не рада —
Не пеняйте на меня, —
Я уйду из стада!»

Поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой – ему видней!»

Папе Антилопьему
Зачем такого сына:
Все равно – что в лоб ему,
Что по лбу – все едино!
И Жирафов зять брюзжит:
«Видали остолопа?!»
И ушли к Бизонам жить
С Жирафом Антилопа.

Поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой – ему видней!»

В желтой жаркой Африке

Не видать идиллий —
Льют Жираф с Жирафихой
Слезы крокодилы, —
Только горю не помочь —
Нет теперь закона:
У Жирафов вышла дочь
Замуж – за Бизона!

...Пусть Жираф был не прав, —
Но виновен не Жираф,
А тот, кто крикнул из ветвей:
«Жираф большой – ему видней!»

1968

Банька по-белому

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка,
Раскалю я себя, распалю,
На полоке, у самого краюшка,
Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной – и все позади, —
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс!
А на левой груди – профиль Сталина,
А на правой – Маринка анфас.

Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!» —
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб *он* слышал, как рвутся сердца.

Не топи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Ох, знобит от рассказа дотошного!
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли под темечком:
Получилось – я зря *им* клеймен, —
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Чтоб я к белому свету привык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Ковш холодной развяжет язык.
Протопи!..
 Не топи!..
 Протопи!..

1968

Песня о двух красивых автомобилях

Без запретов и следов,
Об асфальт сжигая шины,
Из кошмара городов
Рвутся за город машины, —
И громоздкие, как танки,
«Форды», «линкольны», «селены»,
Элегантные «мустанги»,
«Мерседесы», «ситроены».

Будто знают – игра стоит свеч, —
Это будет как кровная месть городам!
Поскорей – только б свечи не сжечь,
Карбюратор... и что у них есть еще там...

И не видно полотна —
Лимузины, лимузины...
Среди них – как два пятна —
Две красивые машины, —
Будто связанные тросом
(А где тонко, там и рвется).
Аксельраторам, подсосам
Больше дела не найдется.

Будто знают – игра стоит свеч, —
Только б вырваться – выплатят все по счетам!
Ну а может, он скажет ей речь
На клаксоне... и что у них есть еще там...

Это скопище машин
На тебя таит обиду, —
Светло-серый лимузин,
Не теряй ее из виду!
Впереди, гляди, разъезд, —
Больше риска, больше веры!
Опоздаешь!.. Так и есть —
Ты промедлил, светло-серый!

Они знали – игра стоит свеч, —
А теперь – что ж сигналить рекламным щитам?!
Ну а может, гора ему с плеч, —
Иль с капота... и что у них есть еще там...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.